

Сб-72

Чепелев В.Н.

Ч-44

Очерк архитектуры Средней Азии
до караханидов.

Сб-72
7-44

ОЧЕРК АРХИТЕКТУРЫ СРЕДНЕЙ АЗИИ ДО КАРА-ХАНИДОВ.

В. Н. Чепелев.

Характеристика иранского феодализма в Туркестане до арабского завоевания (явившегося весьма длительным процессом), в основном может быть сведена к следующему.

Система дихканата, основанная на форме крупного землевладения, ориентированного на речные и ирригационные районы, являлась руководящим фактором экономических и классовых отношений. У власти стоял класс землевладельческой аристократии — «дихкан», формирование которого, повидимому, следует искать во времена до начала христианской эры¹. Мавераннагр дробился на множество владений, причем в каждом владении «средоточием хозяйственной и политической организации служил замок дихкана, который был и военным оплотом, и административным и экономическим центром. Он защищал окрестное население от внешних нападений, сюда оно несло прибавочный продукт своего труда, под покровительством его развивались торговля и цеховые ремесла»². Класс землевладельческой аристократии находился в иерархическом расслоении: более сильные дихкане носили титул ихшида, которым были дихкане самаркандский и ферганский; дихкан Бухары, бывший сильнейший в Туркестане носил титул «бухар—худата»³.

Нершахи упоминает, что в городе Вардане был «царем» Вардан-худат, с которым воевал Кутейба⁴. Тот же Нершахи следующим образом характеризует бухар-худата: «среди них (дворян) был знатный дихкан, которого называли бухар-худатом, так как он происходил из древнего дихканского рода, владел большей частью поземельной собственности и большинство народа состояло из его крепостных и слугителей»⁵. Дихканам принадлежала земельная собственность не только в селениях, но и в городах. Так, например, Измаил Саманид купил у Ибн-Тулута в Бухаре земли, которые некогда составляли собственность бухар-худата.⁶ Вопрос о развитии городской жизни в Туркестане является еще исследовательской проблемой. Очевидным является, что города, даже те, которые

впоследствии были крупнейшими в Мавераннагре, были в VII-VIII в. очень невелики. В. В. Бартольд определяет размеры Бухары того времени возвышенной площадью к востоку от цитадели, занимающей незначительную часть современного города ⁷. О размерах Самарканда мы можем судить из работы В. Л. Вяткина ⁸. Работая в экспедиции Музея Восточных Культур в Термезе (1928 г.) по топографической съемке древнейшей части городища, мы убедились в незначительной площади Калы, по сравнению с общим районом руин. В до-арабский период городская жизнь в Туркестане была уже сложившейся формой, причем В. Бартольд отмечает, что «развитие городской жизни в до-мусульманскую эпоху не изменило характера общественного строя» ⁹. Причиной этого являлся тот факт, что и политическое, и экономическое господство оставалось за классом дихкан, которому не приходилось считаться с сильной монархической властью. Поэтому существование наряду с родовой аристократией — денежной еще не дает повод ставить вопрос о каком бы то ни было руководящем значении класса купцов и их политической роли. В другой плоскости их значение может быть рассмотрено для эпохи караханидов и Тимура. Утверждая это, мы не хотим умалить значение караванной торговли и роли купцов в смысле обмена культурными и материальными объектами и формами; в условиях феодализма (в котором на Востоке слагаются отношения между кочевыми и оседлыми народами, что мы увидим и после арабского завоевания) развитие торговли имеет свой предел, как это показали R. Lunge в «Das Problem der Europäisierung» и Г. Сафаров в «Проблемах Востока», причем гипертрофия базара со временем становится почти исчерпывающей формой меновых отношений.

Класс дихкан, живших в укрепленных замках, исповедывал зороастризм ¹⁰, который не был религией всех среднеазиатских иранцев до арабов. ¹¹ Зороастризм являлся по существу земледельческой религией: предписания Авесты обязывали заниматься земледелием и сооружением оросительных каналов; идеологическое содержание зороастризма указывает на его феодальное переформирование. Этому интересна параллель на Сасанидском Иране, в более развитой системе феодальных отношений, где маздеизм сделался государственной религией, поставленной под защиту закона, с замкнутым жреческим сословием; «маздеизмом освещался старый сословный строй, против которого неоднократно поднимали восстание народные массы» ¹².

Наряду с зороастризмом в Туркестане были распространены: буддизм, манихейство, христианство; место этих религий в классовой структуре общества, наряду с развитием городской жизни, является исследовательской проблемой.

Дихкане, отличавшиеся от массы населения по своему костюму (одним из знаков достоинства был золотой пояс, к которому привешивался

кинжал), были классом — строителем монументальных сооружений: замка, крепости, храма. Архитектура этого периода не сохранилась, но несколько вопросов о характере ее могут быть поставлены. Дихкан был строителем не только в своем поместье, но и в городе, который он охранял, как и всю свою территорию. Дихкане украшали свои замки. В мечети, построенной Кутейбой ибн-Муслимом в Бухаре на цитадели в 713 г.,¹³ были двери, происходившие из дихканского замка, в окрестностях Бухары; они были украшены изображениями, лица которых были стерты по предписанию Ислама. Нершахи добавляет, что таких замков было много и «... в замках не было ни одного араба»¹⁴. Из китайских источников мы знаем о здании в Кушанин (находился около современного Катта-Кургана), где на северной стене были «написаны красками» китайские императоры, на восточной — владетели турецкие и индийские, на западной — персидские и римские. По поводу этой живописной апологетики феодализма, В. В. Бартольд пишет: «такого города, где в одном и том же здании находились бы изображения государей Рима, Персии, Средней Азии, Китая и Индии наверное не было ни в какой другой стране»¹⁵. Двумя путями нам кажется возможным в порядке гипотезы поставить вопрос о характере архитектуры у иранцев. Первый путь — это на основании анализа мазара «Измаила Саманида» в Бухаре, попытаться выделить сумму архитектурных элементов и стилистических черт, сохранившихся от иранского феодализма, как близких по своей классовой идеологии эпохи Саманидов (это мы сделаем ниже), второй путь — это, на основании социологической постановки сходства общественной структуры иранского Мавераннахра и других стран, поставить проблему о возможных реминисценциях. Иранский феодализм в Туркестане сложился в районе древних караванных путей из Ирана и передней Азии в Восточный Туркестан и Китай, что в равной мере известно и из научной литературы¹⁶, и из литературной интерпретации Самюэля Мэрвина.

Albert von le Coq в своем «Bilderratlas zur Kunst und Kulturgeschichte Mittel-Asiens» (В. 1925) отмечал роль Сасанидского Ирана для Восточного Туркестана. По поводу Средней Азии В. В. Бартольд пишет: «Культурное влияние сасанидской Персии на Среднюю Азию и пути распространения этого влияния можно скорее определить по археологическим находкам (клады с сасанидскими монетами и такими предметами производства, как сасанидские блюда), чем по скудным известиям письменных источников»¹⁷. Нам кажется такая постановка вопроса более приемлемой по отношению к торговой экспансии. К вопросу о культурном значении Ирана Сасанидов будет интересен рассказ, приводимый Мухаммедом Нершахи, о начале чекана диргемов в Бухаре. «Первым стал чеканить серебряную монету правитель Бухары, имя которого было Кана-Бухар-худат... в его время в Бухаре торговый счет велся на бумажные материи и пшеницу;

ему сообщили, что в других странах чеканят монету. Узнав об этом, Кана-Бухар-худат приказал и в Бухаре чеканить монету из чистого серебра и поместить на монете свое изображение в короне. Это было во время халифата эмира правоверных Абу-Бекра...». ¹⁸ Не указывает ли тот факт, что бухар-худат поместил на монете свое изображение в короне на знакомство с сасанидским нумизматическим типом? Близкое сходство классовой и религиозной структуры Ирана сасанидов и иранцев Средней Азии позволяет ставить вопрос о возможных заимствованиях, при пригодности их идеологической выраженности. В такой же плоскости будет уместно предположение, что монументальная дворцовая архитектура сасанидских династов сыграла свою роль в архитектуре дихкан; отголоски сасанидской архитектурной традиции налицо в ансамбле со «зданием n°1» в Термезе, исследованном экспедициями Музея Восточных Культур и Б. Н. Засыпкиным.

Одним из сложных вопросов, быть может неразрешимым, является вопрос о характере религиозной архитектуры зороастрийцев, манихеев, христиан на территории Туркестана и об ее формальном отношении к гражданской архитектуре того времени.

Из исторических источников мы знаем о ряде культовых сооружений в различных городах Мавераннагра. В Бухаре, на «месте продажи идолов», было капище огнепоклонников. «Это капище существовало до водворения здесь ислама, когда мусульмане усилившись, построили на этом месте свою мечеть, и теперь это одна из замечательных мечетей Бухары». ¹⁹

В Бухаре же была христианская церковь, позднее на ее месте была построена мечеть племени Бану-Ханзаля. ²⁰

Соборная мечеть города Мерке прежде была церковью. ²¹ В Таласе была христианская церковь, поздней обращенная в мечеть. ²² Сохранившиеся до нашего времени развалины Таш-рабат, определенные Н. Пантусовым как несторианский монастырь, ²³ по своей архитектурной конструкции и по переходу от куба к куполу, являются памятником более поздним и, повидимому, другого назначения. ²⁴

Буддийская архитектура, имеющая, повидимому, отношение к возникновению типа медресе (о чем ниже, при разборе известия о медресе Фарджека), в до-арабский период на территории Мавераннагра имела известное распространение, повидимому, преимущественно в областях, смежных с буддийским Ираном. Сохранившееся башнеобразное сооружение из сырцевого кирпича «Зурмала» в Термезе, определенное А. С. Стрелковым как буддийский ступа, относится к архитектурному типу, связанному с аналогичным кругом памятников территории Афганистана и Серииндии. ²⁵ Параллели «Зурмале» изданы Foucher в «L'art Greco-Bouddhique du Gandhara». (Paris, 1905) и в «Afganistan», bearb. von Oscar v. Niedermayer und Ernst Diez (Lpz. 1924) и отмечены А. С. Стрелковым в вышеуказанной статье. Повидимому, буддийские памятники не отличались такой идеологической

выраженностью, чтобы оставить след в гражданской архитектуре того времени, потому что эта архитектура была связана с другой общественной и, быть может, этнической прослойкой.

С приходом арабов в Туркестан открывается пора особенно интенсивного взаимоотношения Передней Азии и Мавераннахра. Арабы пришедшие единой организацией военно-религиозной общины произвели, как указывает И. Ходоров, консолидацию государственной власти. Они «в значительной степени выполнили в Средней Азии роль «собирателей земли», но, собрав землю, они оказались вынужденными передать ее сильнейшим из местных княжеских родов, т.-е. сильнейшим из местных крупных землевладельцев»²⁶ и в порядке управления Туркестаном по мандату арабов произошло возвышение местных иранских княжеских династий — Тохаридов и Саманидов. Идеология корана определена М. Рейснером как идеология средней и крупной торговой буржуазии.²⁷ Вряд ли в такой форме в VIII в. ислам, формулированный как оправдание завоевания, предстал в условиях иранского феодализма. К этому времени произошла «демократизация» Ислама, связанная с большим включением различных этнических элементов. Ислам в Хоросане и Мавераннахре должен был стать перед проблемой реформирования и применения.

Перед иранским дихканатом стоял вопрос о сохранении землевладения. Класс землевладельческой аристократии оказал серьезное сопротивление Исламу и в первый период завоевания это была открытая оппозиция. «Бедных привлекало то обстоятельство, что арабы платили по два диргема за посещение мечети».²⁸ Нершахи в рассказе «о просвещении Бухары и об открытом водворении там Ислама» пишет: «каждый раз жители Бухары принимали Ислам и снова, по уходе Арабов, отступали от принятого вероучения, это происходило до тех пор пока Кутейба не поселил арабов в Бухаре и не устроил периодического служения в построенной соборной мечети».²⁹ В 771 г. была построена вторая мечеть, хотя жители в это время в большинстве еще не приняли Ислама. В период становления Ислама арабы очень часто пользовались архитектурой иных вероисповеданий, в частности христиан для своих религиозных целей. Так, например, христианская церковь в Бухаре была обращена в мечеть племени Бану-Ханзаля.³⁰ Христианская церковь города Мерке была обращена в мечеть. Аналогичные явления были и в эпоху Саманидов, в условиях распространения Ислама. Взяв в 893/4 г. город Талас, Измаил Саманид главную церковь обратил в соборную мечеть, причем эмир Таласа и многие дихкане приняли Ислам.³¹

Интенсивный темп исламизации, создание путем исламизации местного, локального блока против находившегося в оппозиции класса дихкан (иначе не было бы смысла платить бедным 2 диргема за посещение мечети), невозможность в известных условиях строительства заставляли арабов прибегать к чужой архитектуре. Ислам в Мавераннахре медленно и с боль-

шим трудом переходил на местную национальную основу. С момента закрепления Ислама в Туркестане, да и раньше мусульманскую теократию следует рассматривать как переходную стадию от патриархально-родового строя к феодальной системе. И прав Г. Сафаров когда пишет: «Как в Западной Европе период разложения Римской империи был, так сказать, подготовительным периодом феодализма (колонат—как зачатки крепостной зависимости), так и период дихканского феодализма у арийцев Иранской группы был подготовительным периодом восточно-мусульманского феодализма. Это можно сказать не только относительно экономического строя, но и относительно «идеологической надстройки». Религия Зороастра была земледельческой религией, — поклонение земледелию перешло и в Ислам». ³²

Выводом является тот факт, что с проникновением Ислама в класс дихкан и с оседанием арабов в Мавераннагре, идеология Корана должна была быть пересмотрена.

Не означает ли этот пересмотр идеологии Корана процесс феодализации Ислама? Почитание земледелия перешло в Коран в покоренных арабами странах. В данном случае, повидимому, имеет особое значение Хоросан и Южный Мавераннагр. Одно из направлений пересмотра и комментирования Корана, именно, шиитская оппозиция, рано принявшая характер мессианизма, фактически вела борьбу не за торжество той или другой идеи, а за торжество персидской национальности и древне-персидских традиций. ³³ Является весьма вероятным, что класс иранской землевладельческой аристократии, принявший Ислам, оказался преобладающим среди осевших в Туркестане арабов, причем период завоевания выделил наиболее крупных феодалов и, вообще, дал толчек к централизации. Таким образом, феодальная эксплуатация, принявшая одно время на территории Туркестана религиозный характер, вернулась к феодальной эксплуатации чистой воды. И хотя по религиозной традиции Ислама, во главе государства должен стоять самодержец, ответственный только перед богом, — в государственном управлении победила иранская точка зрения, что правитель прежде всего должен быть хорошим хозяином (по Siasset-Nameh). ³⁴

В эпоху Саманидов у власти стоял класс землевладельческой аристократии и в данном случае это представление о власти является их формулированной точкой зрения. К эпохе Саманидов в халифате также произошли серьезные изменения. При первых халифах верховная власть сохраняла чисто теократический характер до такой степени, что даже имущество государства называлось «божьим», как это отмечалось J. Wellhausen'ом. ³⁵ Но уже Муавия был светским правителем бюрократического государства на феодальных основах. Аверроэс был убежден, что строй жизни арабских племен вполне соответствовал идеальной республике Платона и что только Муавия введением деспотизма испортил этот идеальный строй. ³⁶ В. В. Бартольд отмечает, что среднеазиатским Ираном были усвоены в мусульманский

период иранские государственные традиции, представителями которых считались и Саманиды.³⁷ Ко времени сложения централистического, бюрократического государства Саманидов, сохранявшего феодальную систему землевладения и землепользования, иранская реставрация почти во всех областях, кроме религии, была созревшим фактом. Сами Саманиды были персами, их предок был дихкан из Балха, бежавший во время военных смут в Мерв.³⁸

Развитие торговли в эпоху Саманидов, в условиях централистического управления, сделало крупные успехи, чем объясняется блестящая пора географической литературы, но, однако, имело свой предел. Накопление торгового капитала, как и капитала вообще, встречало непреодолимую преграду со стороны appetitов правительственной касты и в условиях феодального режима вообще. «Не было материальной заинтересованности», пишет Г. Сафаров: «в расширении и усовершенствовании всякого производства поскольку всякому прибавочному продукту грозила постоянная опасность быть конфискованным в пользу казны. Это обусловило общий застой в развитии производственных сил и, в частности, предопределило низкий уровень развития торговли, сделав базар единственной и почти исчерпывающей формой товарно-меновых отношений».³⁹ В эпоху Караханидов происходят значительные изменения с положением торгово-промышленного сословия, но при Саманидах его положение является дальнейшим развитием условий эпохи дихканата в аспекте централизации.

И хотя предместья, где были базары, имели население, более многочисленное, чем в шахристанах, — «городом» считался только шахристан.⁴⁰

Иранская реставрация при Саманидах, как мы отмечали, была почти во всех областях государственной и общественной жизни, кроме религии. Будучи выразителями политики и требований класса землевладельческой аристократии, Саманиды, по политическому этикету *Siasset-Nameh*, должны заботиться о прорытии каналов, о поддержании земледелия, об украшении городов красивыми зданиями.⁴¹ К эпохе Саманидов вполне применимы слова, приписываемые халифу Сулейману: «Удивляюсь я этим персам: тысячу лет они жили, не чувствуя ни одной минуты необходимости в нас, а мы, насчитывая сто лет, не можем ни одного мгновения обойтись без них».⁴² И к этому Е. Diez приводит замечания Ибн-Халдуна из «Прологомен» — «Und die Araber nahmen in ihren Dienst die persische Nation und nahmen von ihnen die Kunste und die Gebäude an».⁴³

При дворе Саманидов, управлявших «по образцу монархии сасанидов», персидский язык был языком официальных бумаг; у Хамдаллаха Казвини говорится, что только Ахмед-ибн-Измаил из благочестия снова велел писать официальные бумаги на арабском языке.⁴⁴ Сами Саманиды покровительствовали преимущественно персидской поэзии.⁴⁵ Из антологии Са'алиби мы узнаем, что Бухара при Саманидах была «обителью

славы, Ка'абой владычества, местом собрания выдающихся людей эпохи». Библиотеку Саманидов описывает известный Авиценна (Ибн-Сина), пользовавшийся ею при Нухе бен-Мансуре: это был дом с многими комнатами, в каждой комнате находились сундуки с книгами, разложенными по отделам. «Я прочитал список книг древних (авторов) и спросил то, что мне было нужно». ⁴⁷ Феодал брал пример со двора эмира. О роде Феригуна анонимный географ X в. говорит, что «цены стихотворений благодаря их щедрости были высоки...». ⁴⁸ Феодал в своем районе мыслится как сколок с бухарского эмира. Тот же анонимный географ пишет об одном из рода Феригуна: «Абуль-Харис-Ахмед-Ибн-Мухаммед был белым пятном на челе их династии, красой их жилища и узором их райской одежды. Он был муж высоких стремлений, непрестанной благотворительности, был убежищем широким и пастбищем плодородным (для искавших защиты и милостей)». ⁴⁹ Одной из основ идеологии класса землевладельческой аристократии было представление об иерархии, в которой даже низшая ступень имела сумму определенной значимости. Это та форма классовой убежденности, которая красной нитью должна была пройти во всех областях культурной и идеологической жизни.

В иранский до-арабский период дихқан, находившийся вне условий централизации, всегда стоял перед проблемой постоянной защиты своей феоды и территории, что, естественно, должно было положить отпечаток на его монументальное строительство. С эпохой Саманидов связана централизация армии, развитие городской жизни, включение аристократии в государственную военную систему. Эти обстоятельства должны были расширить и значительно видоизменить формы гражданской архитектуры в сторону большей свободы возможности выраженности, которая приобретает вторичные формы по сравнению с зодчеством иранского феодализма. Практицизм, в известной степени довлевший раньше, должен был измениться в сторону аристократизации, что мы вправе ожидать при пафосе придворной поэзии и литературы. Когда ислам, как религия, приобрел в Мавераннагре местную национальную основу, т.е. приобрел ту сумму изменений, которую мы характеризовали выше, его официальная догма стала одной из форм классовой гегемонии. Ислам, принесенный арабами, в эпоху иранской реставрации выполнял в Средней Азии роль маздеизма у сасанидов.

Понятно, что класс землевладельческой аристократии, в равной степени как и эмир, был заинтересован в строительстве религиозной архитектуры. Мечеть — место молитвы, минарет — башня для созыва на молитву, медресе — место обучения религиозной догматике и морали, ханака — странноприемный дом (в программе недостаточной благотворительности), мазар — место погребения — вот основные типы зданий, возникших с исламом в Мавераннагре. ⁵⁰

Элементарно, что в эпоху Саманидов и искусство, и, в частности, архитектура отражали интересы и выражали идеологию господствующего класса. И правильно отмечает И. Л. Маца, что в государстве этого типа, насилие, существующее в отношениях людей, должно было быть оправдано чем то «вечным»,⁵¹ т.-е. должна была быть применена какая то форма «идеологической компенсации» (термин наш—В. Ч.) может быть, поставленной в известной мере на концентрации значимости правителя или представителя класса-гегемона в теологическом оправдании. Эпоха Саманидов как раз совпадает с развитием мистицизма в Исламе. Вот как на наш взгляд верно, М. Рейснер характеризует это событие.⁵² Коран, в своей основе, оставлявший богатых и бедных на своих местах и примирявший их путем недостаточной благотворительности и терпения, явно игнорировал междуклассовые отношения, что стало совершенно явным, когда Ислам, осев на почве Туркестана и Хоросана, стал длительной временной категорией. Идеология феодализировавшегося корана стала недостаточной и потребовала «весьма серьезного и радикального дополнения». «Признать, что противоположности классовых интересов не существует», пишет далее М. Рейснер, «было всегда легче, чем решить спор в сторону труда или капитала, а так как именно материальные условия и материальные запросы были той почвой, на которой выросли классы и их интересы, то самым простым было примирить и богатого, и бедного в сфере чистого духа и таинственного мистического спасения».⁵³ М. Рейснер, в общем верно определивший факт возникновения мистицизма в Исламе, придал формулировке общую установку определения возникновения мистицизма.

Архитектура, как один из видов искусства, в эпоху Саманидов должна была, на основании всего вышеизложенного, в формальном отношении отличаться суммой черт, входящих в понятие монументальной отвлеченности, которая, эволюционируя, постепенно должна была отходить от схематизма, навеянного преемственностью большого числа архитектурных форм от иранского феодализма, где схематизм в значительной мере оттенялся практицизмом. Не этим одним должна характеризоваться архитектура класса землевладельческой аристократии: интерпретация в архитектуре классового идеологического максимума характеризуется значительно подробнее. В этой плоскости вполне реально утверждение, что архитектурная декорация в основном должна сводиться к геометрическим формам в их наибольшей приближенности к постепенно усложняющимся элементам, т.-е. к постепенному отходу от схематизма. Геометрическая орнаментация по характеру восприятия является более длительной временной категорией, чем натуралистический орнамент. Является очевидным, что «постоянность», являющаяся известной частью содержания, есть один из моментов классовой эстетики; она является непрерывным слагаемым понятия монументальности, где сочетается с выраженностью политической, экономической, идеологи-

ческой значимости класса гегемона. Это в равной мере применимо и к гражданской и к религиозной архитектуре. Класс строительэпохи Саманидов в той или иной степени должен был использовать то наследие архитектурных форм, которые сложились у иранского феодализма, что вполне детерминируется преемственностью экономической и классовой структуры. Эта проблема может быть поставлена на мазаре Саманидов в Бухаре, единственном памятнике, дошедшим от того времени в известной сохранности. До Саманидов в Бухаре уже было значительное количество культовых сооружений Ислама. Нершахи указывает, ⁵⁴ что Кутейба ибн-Муслим первый построил в Бухаре мечеть в цитадели, на том месте, где прежде был храм идолопоклонников, «вероятно буддистов». ⁵⁵ Тот же Кутейба выстроил еще мечеть в укрепленном селении Афшина на расстоянии фарсаха от Бухары. ⁵⁶ Фазл Бармаки, который «впервые приказал в месяц Рамазан зажигать в мечетях светильники», «много старался» при построении мечети 770 г. в Бухаре, впоследствии на $\frac{2}{3}$ расширенной Измаилом Саманидом. ⁵⁷

Число примеров может быть увеличено. В. В. Бартольд в «Истории культурной жизни Туркестана» (с. 74—75) высказывает предположение, что «исчезновение памятников саманидской эпохи нельзя объяснить разрушениями, произведенными во время монгольского нашествия, так как от этих разрушений в такой же степени должны были страдать и памятники эпохи Караханидов. Большое значение имел, вероятно, тот факт, что в XI в. и позже с развитием городской жизни, при постройках меньше, чем прежде, пользовались древесным материалом. Тесно застроенная Бухара в X в. считалась городом, опасным в пожарном отношении, что указывает на широкое распространение деревянных построек; из дерева была возведена даже верхняя часть минарета соборной мечети; минарет обрушился в 1068 г. и был заменен новым, построенным всецело из жженого кирпича». Архитектор Б. Н. Засыпкин, давший ряд прекрасных работ по архитектуре Средней Азии, наоборот отмечает, что «местные условия, пустынность больших поверхностей земли, богатейшая лессовая почва, отсутствие в равнинах камня и дерева повлияли на создание архитектуры Средней Азии, как архитектуры кирпича», ⁵⁸ причем «обожженный кирпич является древнейшим строительным материалом в Средней Азии». ⁵⁹ Повидимому, деревянная архитектура, как и сырцовый кирпич, были в значительной мере строительным материалом городской бедноты и сельского населения, но строительство руководящих классов базировалось на обожженном кирпиче, где древесные материалы играли роль подсобных, технических. В. В. Бартольд, в отмеченной выше «Истории культурной жизни Туркестана», вышедшей в 1927 г., определенно указывает, что датированных построек эпохи Саманидов нет совершенно, и мнение о саманидском происхождении некоторых построек, например, так называемой гробницы Измаила Саманида в Бу-

харе, основано только на местном предании. «В остальных случаях строительные памятники X в. обнаруживались только при раскопках, например, постройка на Афрасиабе близ Самарканда, раскопанная пищиком эти строки в 1904 г., в которой видят основание минарета». ⁶⁰

В настоящее время имеются данные, позволяющие мазар «Исмаила Саманида» датировать не только на основании предания. В недавно вышедшей книге И. И. Умнякова «Архитектурные памятники Средней Азии» (Издание Главного Средне-азиатского Музея, Ташкент 1929) мы на стр. 17 читаем: «В родословной Саманидов о мавзолее Исмаила сказано следующее: «Он (т.-е. Исмаил) умер 14 Сафара 295 г., славная могила его находится в Бухаре, в западной части города». В вакуфном документе, между прочим, сказано, что в 254 г. х. Исмаил пожертвовал земли в пользу мазара своего отца. Далее в Вакуфнамэ указано, что мазар эмира Ахмеда, сына эмира Асада Саманида, находится вне «древней крепости Бухары, на улице «Чехар-Гумбезан» (т.-е. четырех куполов), в западной части города». На основании вакуфных данных можно сделать следующий вывод. Мазар, где по преданию похоронен Исмаил Саманид, существовал еще при жизни Исмаила, который, скупив земли, прилегающие к мазару, пожертвовал их в пользу этого мазара».

Таким образом на основании выводов И. И. Умнякова этот мазар может быть отнесен ко второй половине IX в. Далее им приводятся слова М. Ю. Саиджанова, который (в журнале «Ма'ариф ва укутгучи» №3—4, 1927) называет этот памятник «мавзолеем Саманидов», что, конечно, является приемлемым. Итак, мавзолей Саманидов в Бухаре связан с верхушкой класса землевладельческой аристократии, что, при дальнейшем его анализе, найдет подтверждение в стиле памятника. Мавзолей Саманидов наиболее подробно издан в следующих работах: 1) проф. Б. П. Денике, «Искусство Средней Азии» (М. 1927), табл. I—II; 2) архит. Б. Н. Засыпкин, «Памятники архитектуры в Средней Азии и их реставрация», «Вопросы реставрации» сборник ЦГРМ (М. 1926) № 1, с. 142, 145, 149, 150, 153; 3) Б. Н. Засыпкин, статья в «Строительной Промышленности» № 4 за 1928 г., с. 307 сл. рис. 1—2. ⁶¹

Б. Н. Засыпкиным мавзолей Саманидов относится к типу центральных мазаров, которым противопоставляется порталный тип. ⁶² Характеристикой центрального мазара является наличие в плане правильной геометрической фигуры и равномерная или симметричная обработка фасадов. Деление Е. Diez'a ⁶³ на Grabturm и Kuppelgrab, в котором критерием является высота сооружения, является мало убедительным, так как не имеет под собой формального признака. Деление, предложенное Б. Н. Засыпкиным, приемлемо не только по формальным признакам, но и потому, что в выдвинутых двух категориях ясно отражаются две общественные эпохи. Мазар Саманидов представляет квадрат в плане с трехчетвертными

колоннами по углам. ⁶⁴ Переход от квадрата к восьмиграннику, несущему купол, выполнен через нервюрные тромпы: (см. табл., рис. 2) полная стрельчатая арка, разгружающая стену восьмигранника, является основной конструктивной частью, очерчивающей угол. Перпендикулярно к этой арке поставлена половина другой, дающая разгрузку в угол стены. Аркообразная разработка простенков между тромпами подчеркивает желание равномерной, единой организации сторон восьмигранника. Обработка парными кирпичами абриса арок и круглые розетки внутри углов восьмигранника подчеркивают композиционное единство сторон. ⁶⁵ Все здание внутри, благодаря повторности плоскостей и орнамента, проникнуто единой композиционной симметрией. К тому же, простая архитектурная конструкция, связанная с симметричным украшением фигурными кирпичами отдельных плоскостей, создает полное единство внутреннего пространства. Снаружи мазар представляет (см. табл. рис. 1) правильный куб, углы которого украшены трехчетвертными колоннами. Верх куба расчленен галлереей, на которую нет доступа. Галлерей, носящая декоративный характер, закрывает квадратный в плане наружный абрис восьмигранника; окна в тромпах выходят внутрь просветов галлерей. Здание завершено куполом.

Об угловых куполах неизвестно, можно ли их считать одновременными постройке здания. Фасады разработаны совершенно симметрично, только главный вход подчеркнут перспективно углубленной в два выступа дверью. Стрельчатая арка обрамления двери очерчена прямоугольной рамой, положенными бок о бок кирпичами, причем между двумя рядами кирпичей рамы вложены круглые фигурные кирпичи с прорезами внутрь. В сегментах между стрельчатой аркой и рамой в поле фигурной кладки парными кирпичами в клетку, вставлены квадратные медальоны, где в квадраты вписан ромб, и в ромб опять вписан квадрат. Наружный квадрат медальонов, между двумя рядами контуров, имеет полосу мелких круглых кирпичиков; этот прием в миниатюре отражает построение прямоугольного обрамления вокруг стрельчатой арки входа. Остальная часть фасада между обрамлением и трехчетвертными колоннами, отчерченная сверху галлереей, покрыта фигурной кладкой вертикально чередующихся групп кирпичей: первая группа — три кирпича, положенные плашмя, — вторая группа — три кирпича ставятся на ребро с веерообразно расходящимися концами, вокруг которых можно описать дугу. Орнамент трехчетвертных колонн варьирует фигурную кладку боковых плоскостей фасада. Галлерей, резко отчерченная кирпичной горизонтальной линией от тела здания, разделена на 10 стрельчатых арок, связанных между собой переплетающимся контуром, который, закругляясь, переходит с одной арочки на другую. Углы трехчетвертных маленьких колонн арок украшены разнообразно: 1-ая зигзагообразными линиями маленьких кирпичей, 2-я — кирпич «в елочку», 3-я повторяет 1-ую, 4-я 2-ую и т. д. Внесено оживление орнамента, но только

в детали. Теперь чрезвычайно важно проследить связь между организацией и орнаментацией наружных и внутренних плоскостей сооружения. Орнаментальная разработка фигурной кладной внутренней стены чрезвычайно напоминает декорацию фасада. Вокруг стрельчатой арки входа то же, описанное выше, прямоугольное обрамление, в контурах которого заключен ряд круглых фигурных кирпичей. Поля внутренних стен по бокам обрамления орнаментированы геометрической кладкой в клетку, где чередуются пять плашмя положенных кирпичей с четырьмя кирпичами, сложенными ромбом. Ярус трюма и арок между ними отделен горизонтальной линией, расставленными на ребро кирпичами. На подобие фасадного обрамления каждая плоскость восьмигранника между аркой и прямоугольным контуром имеет медальоны — розетки, но уже круглой формы. Из анализа памятника становится очевидным, что основными, главными элементами фигурной кладки являются фигуры — квадрат, прямоугольник, круг, явно сближающиеся с основными элементами архитектурной конструкции — кубом и куполом, т.-е. в основе квадратом и кругом. Едино организованные внутри наружные массы здания, охваченные горизонтально объединяющей их галлереей (что особенно хорошо видно с угла), с простой, но мощной по четкости геометрической орнаментацией, сохраняющей материальную выраженность стены, представляет по существу монументальное, организованное на совершенное отвлечение от реальности, архитектурное тело. В небольшом количестве орнаментальных элементов, в сходстве приемов орнаментации наружных и внутренних плоскостей, в замечательной четкости чередования элементов фигурной кладки, наряду с величавостью общего построения имеется схематичность. Простота архитектурной конструкции, изолирующей окружающее пространство, монументальность геометрической декорации, копирующей основные формы конструкции здания, определенно выявляют черты этого памятника: отвлеченность, ирреальность наряду с монументальностью и схематизмом.

Мы выше указывали, что в архитектуре класса — правителя (земледельческой аристократии), в условиях имущественного первенства и специфичности классового угнетения, должна была сказаться тенденция к идеологической выраженности монументальности (явно временной категории), величавости, полнейшей отвлеченности от реального бытия. Это именно параллель к мистицизму в исламе, стремление «в сфере чистого духа и таинственного мистического спасения» (см. выше) примирить классовые интересы, дать бедным «идеологическую компенсацию» (тоже являющуюся орудием насилия) в вечности религиозной идеи, также проникнутой классовой системой оценки. Эта идеология связывается с социальной значимостью самого класса — строителя, его общественным и бытовым аристократизмом. Мазар Саманидов выражает те психологические императивы в отношениях людей, которые угодны господствующему классу. И на при-

мере этого памятника как нельзя лучше оправдывается утверждение И. Л. Маца, что искусство деспотически-бюрократического государства, где у власти стоит класс крупных землевладельцев, должно быть по стилю монументально-схематическим идеализмом.⁶⁶ Мы значительное количество внимания уделили религиозной системе Ислама, поскольку присоединяемся к справедливому утверждению М. Рейснера («Идеология и политика» ВКА п^о 33 (3) М. 1929 с. 25), что религиозные системы Востока дают исчерпывающий материал для суждения о самой форме идеологических построений, где «чрезвычайно легко происходит рационализация мистики и эстетики» и где сумма классового психоидеологического максимума, организуясь в содержании религии, пользуясь последней категорией, отражается в стиле различных областей искусства.

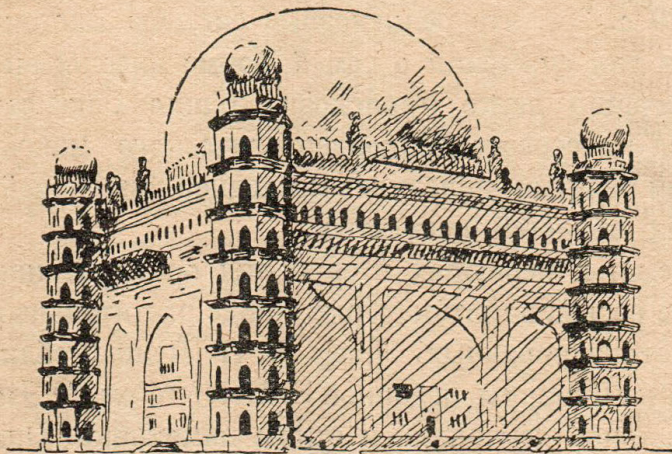
В мазаре Саманидов имеется в нервюрах второй вид орнаментации в очень небольшой площади: это резьба по штукатурке в виде растительных побегов, в известной мере геометризированных. Проф. Б. П. Денике сближает⁶⁷ этот орнамент с резьбой из Самарры, изданной Е. Herzfeld'ом.⁶⁸ Эта орнаментация неорганична остальной декорации и стилю памятника. Она носит случайный характер проникновения в архитектурную декорацию растительных элементов, которые в своем развитии созвучны другой общественной эпохе и приобретут равноправие (впоследствии преобладание) по отношению к геометрическому орнаменту в придворном искусстве эпохи Караханидов. Теперь перед нами стоит вопрос о происхождении форм мазара Саманидов. Первым что следует отметить, это тот факт, что сооружений, схожих по стилю с анализируемым мавзолеем, было, конечно, много; вполне прав Б. Н. Засыпкин, когда эволюцию мазара в эпоху Караханидов (начиная с Среднего в Узгене) он выводит, исходя из мазара Саманидов.

Помимо мазара Султана Санджара,⁶⁹ близкого к описываемому сооружению, мы в более поздних постройках встречаем пережитки этого типа архитектуры. Крайне интересно описание мазара Алача-хана, хана киргизских орд XV в., находящегося за рекой Кара-Кенгиром в Атбаеарском районе Казакстана и представляющего собой «массивный кирпичный клуб высотой в 10 саж., с куполом и четырьмя башнями по углам. Купол обложен синей глазурью, а стены узорами из белых глазурованных кирпичей. Внутри купола находится галлерея, на которую ведет каменная лестница. Внутри здания помещается обширная комната...»⁷⁰

Воспроизведения этого памятника не имеется. Описание его сближает с мазаром Саманидов, да и в северные степи этот архитектурный тип мог, повидимому, проникнуть только из Туркестана. Указанием на мазар Алача-хана мы обязаны любезному сообщению Б. Н. Засыпкина. Мавзолей Махмуда в Бишапуре (XVII в. см. рис. в тексте) сохраняет основные черты архитектурной конструкции схожей с мазаром Саманидов. (Пользуемся его

воспроизведениями у E. Diez, D. Kunst d. Islam. Völker, s. 166 Abb. 223 и у Otto Höver «Indische Kunst». Breslau, 1923, Taf. S. 128). Это касается исключительно приема организации наружных масс здания. Верх куба отчерчен галлереей, над которой высится сферический купол. Угловые трехчетвертные колонны здесь превратились в башни, выдвинутые от угла

стен и расчлененные горизонтальными рядами окон. Башни завершены маленькими куполами. Приведенные примеры заставляют предполагать в архитектурной конструкции бухарского мазара тип, характерный в эпохи иранского и мусульманского феодализма для Среднеазиатского и, повидимому, Персидского Ирана. Архитектурная конструкция куб и купол

на тропях встречаются как элементы архитектурного ансамбля в Фирузабаде (226 г.).⁷¹ и в Сервистане (V—VI н).⁷² Ch. Diehl в «Manuel d'art byzantin» (Р. 1926) резюмируя «les théories de I. Strzygowski» пишет: «de l'Iran il (l'Art chrétien — В. Ч.) a reçu la coupole par l'intermédiaire de l'Arménie». Купол, в генезисе выходящий из Двуречья, на территорию Мавераннахра (как и в Византию) был принесен из сасанидского Ирана. На тот же сасанидский Иран указывают и стены с верхними галлереями. Б. Н. Засыпкин о галлереях замечает:⁷³ «в дальнейшем этот мотив исчезает и в искусстве Ислама не привился и, надо думать, что он существовал в до-исламской архитектуре этого края». М. Е. Массон, однако, справедливо возражает, что «в связи с изменением общего habitus'a зданий, видоизменялся и облик этих галлерей. В видоизмененной форме мы эту галлерею видим, например, на портале мечети в Аннау».⁷⁴

Аналогичная разработка портала имеется в столь удаленном районе от Мавераннахра, — как Турфан, около которого, в мечети Амина-ходжи, верх портала прорезан рядом параллельных сквозных арок.⁷⁵ Членение аркатурой верха стен известно на боковых фасах Ктезифона. В сасанидском Иране этот прием украшения стен сохранился и после арабского завоевания. (Fr. Sarre — E. Herzfeld, «Archäologische Reise im Euphrat — und Tigris-Gebiet», Т. 1 (В. (1911), S. 157; т. III, Taf LXV). Б. Н. Засыпкин говорит, что «мавзолей Измаила Саманида нужно поставить в ряд тех памятников, на которых впервые начали проявляться черты искусства Ислама, но, вместе с этим, в нем еще имеются элементы предшествующих Исламу культур».⁷⁶

Несомненно, что в архитектуру эпохи мусульманского феодализма и бюрократического государства Саманидов, архитектурная конструкция куб и купол на тропках, и галерея пришли из зодчества эпохи иранского феодализма; класс землевладельческой аристократии взял у дихкан (сохранил от дихкан) те формы, какие ему были близки по их идеологической выразительности. Вообще же появление этой архитектурной конструкции в Туркестане, по видимому, следует связать с сасанидским Ираном, в котором, опять таки, была близкая система социальных и религиозных отношений, о чем мы говорили выше. У мазара Саманидов имеется одна характерная черта: это трехчетвертные колонны по углам здания; впоследствии этот мотив встречается на внутренних углах портала, причем колонна мельчает в размерах и диаметре. Мы склонны в этих колоннах усматривать переродившуюся форму крепостных башен, т.-е. считать этот момент в мазаре Саманидов прямым наследием от эпохи иранского дихканата; здесь приобретенная декоративность идет непосредственно из практицизма, что мы теоретически высказывали выше. Интересной параллелью является сырцовое сооружение в привокзальной группе развалин Термеза, именно «Кырккыз». ⁷⁷ Здание в плане квадратной формы; по углам находятся глухие, без окон и дверей, башни, «придающие памятнику вид крепости, форму ставшую традиционной в мусульманской архитектуре». ⁷⁸ Не требуется усиленных социологических штудий, чтобы определить сущность последнего явления, напр., в медресе Шир-Дор, но эволюция трехчетвертной колонны в придворном искусстве эпохи Караханидов (мазары в Узгене) еще ждет своего анализа и обоснования.

От эпохи Саманидов имеются первые известия о мусульманской духовной школе медресе. Во время бухарского пожара 937 г. среди сгоревших зданий упоминается медресе Фарджека, находившееся в северной части города. ⁷⁹ Макдиси говорит о медресе и шейхах Мавераннагара, об «изящных медресе Нишабура, о медресе Мерва, в котором каждому преподавателю было назначено содержание». ⁸⁰ В. В. Бартольд о происхождении медресе пишет: «на Балх и буддийский Иран указывают известия о начале восточно-мусульманского мистицизма и о возникновении... медресе, «причем, успехи как мистицизма, так и медресе связаны, однако, более с правоверным мусульманством, чем с шиитством. ⁸¹ А. Д. Калмыковым были указаны черты сходства между бытом медресе в Туркестане и бытом вихары в Сиаме. ⁸² К тому же факт, что большее число медресе было в области, тяготевшей к Балху, заставляет «предполагать связь между медресе и буддийским монастырем». ⁸³ Последнее замечание В. В. Бартольда мы ставим в плоскость вопроса: имели ли буддийские культовые сооружения определенное значение для сложения архитектурного типа медресе?

На территории Средней Азии медресе до нас дошли, начиная с эпохи Тимуридов, именно, с медресе Улугбека в Бухаре, в котором эмир оста-

навливался при посещении Бухары в 1419 г. (Бартольд, «Улугбек и его время» ЗАН VIII сер. ИФО т. XII, п^о5, 1918, с. 98). Б. П. Денике указывает, что этапы развития планов медресе, по мнению Ван-Берхема надо искать в Герате; но там памятники быстро разрушаются, а точных описаний их и воспроизведений не существует.⁸⁴ Е. Diez в «Die buddhistischen und islamischen Baudenkmäler Afganistans» в «Afganistan» Oscar von-Niedermayer'a (Lpz., 1924) коснулся, главным образом гератского «Мус'алля», поскольку он, повидимому, был связан материалом, добытым немецкой политической экспедицией. На территории Хоросана мы также, повидимому, сумеем найти медресе только от XIV, в большей мере от XV в., как, напр., медресе в Chargird'e.⁸⁵ Мы можем сравнить планы туркестанских медресе от XV—XVI в.в. с планами буддийских монастырей от времени до-арабского завоевания и в непосредственно следующую за ним эпоху.

Сопоставляя планы медресе Улугбека⁸⁶ и медресе Шир-дор⁸⁷ в Самарканде с буддийскими культовыми сооружениями,⁸⁸ мы замечаем следующие черты сходства: распределение малых помещений по сторонам большого прямоугольника, в чем, может быть, сказывается тот факт, что и буддийский монастырь, и медресе имели при себе общежитие. Иногда в центре группы малых помещений расположены крупные. В монастыре п^о 7 Сенгим-Агызa наружные углы здания имеют прямоугольные башни.⁸⁹ Эти черты сходства сохранились в результате длинной эволюции плана и типа медресе. Нам кажется возможным высказать предположение, что медресе эпохи Саманидов и Караханидов, в частности вышеупомянутое медресе Фарджека в Бухаре, возможно, стояло на известных ступенях эволюционного ряда, приближающегося к сооружениям XV—XVII вв. Социологическое обоснование происхождения и развития медресе является исследовательской проблемой, в которой одно из основных мест займет вопрос о том, как Ислам на территории Восточного Хоросана и буддийского Ирана восполнил те идеологические междуклассовые отношения, которые были выработаны буддизмом и зароастризмом. В заключение отметим тот факт, что некоторые архитектурные сооружения эпохи Караханидов, по своему стилю должны быть связаны с предшествующей эпохой. Так например, минарет 1031 г. на Ширабадской дороге около Термеза,⁹⁰ украшенный несколькими рядами горизонтальной куфы, является памятником одной и той же стилистической категории, что и надгробие Себук-Тегина в Газни, о котором А. Godard говорит, что оно «est iranienne de forme, comme de decor».⁹¹

Перед Советским востоковедением стоит проблема координального пересмотра искусства Средней Азии под углом определения классовой сущности его в различные экономические и национальные эпохи.⁹²

ПРИМЕЧАНИЯ.

- ¹ В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана (Л. 1927), 20—21.
- ² Г. Сафаров. Проблемы Востока. (П. 1922), 36.
- ³ И. Ходоров. К вопросу об историч. эволюции землевлад. в Турк. «Историк-марксист». Кн. 10 (М. 1928, 121—122).
- ⁴ История Бухары. Ташкент, 1897, 61.
- ⁵ Сафаров. Ук. соч., 34.
- ⁶ Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Спб. 1900, том II, 113.
- ⁷ Ист. культ. жизни Туркестана, 20.
- ⁸ Афросиаб. Городище бывшего Самарканда. Ташк. 1927.
- ⁹ Ист. культ. жизни Туркестана, 20—21.
- ¹⁰ Бартольд. Несколько слов об арийской культуре в Ср. Азии. «Средне-Азиатск. Вестник». Июнь 1896, 21—25.
- ¹¹ Сафаров. Ук. соч., 34—35.
- ¹² Бартольд. Ислам. П. 1918, 8.
- ¹³ Бартольд. Турк. в эпоху монг. наш. II, 111.
- ¹⁴ История Бухары. Т. 1897, 64, 82.
- ¹⁵ Ист. культ. жизни Турк., 19.
- ¹⁶ Бартольд. Место прикаспийск. обл. в ист. мусульм. мира. Баку, 1925; ср. у I. Strzygowski, Zentralasien als Forschungsgebiet, Osterr. Monatssch. für den Orient, XI, 1914, s. 66 ff. О торговле сассанидов—А. Christensen. L'Empire des Sassanides. Mem. de l'Acad. R. d. Scien et de L. de Danemark (Copenhague, 1907), VII, ser. t. I, № 1, pp. 47—48.
- ¹⁷ Ист. культ. жизни Турк., 16; см. М. Е. Массон, Монет. находки зарегистр. в Средн. Азии за время с 1917 по 1927 г. Ташк. 1928.
- ¹⁸ История Бухары, 48.
- ¹⁹ Нершахи. Ук. соч., с. 31; ср. Бартольд. ТЭМН, II, 110.
- ²⁰ Нершахи. Там же, с. 70.
- ²¹ Бартольд. ЗВО. Т. VIII, в. I—II, 20.
- ²² Бартольд. Там же.
- ²³ «Изв. Археол. Ком.» № 4, 1902, 21.
- ²⁴ Ук. соч., табл. 10—13.
- ²⁵ А. Стрелков. Зурмала или Катта-Тюпе около Термеза. «Культура Востока», МВК, I, с. 27 и сл.
- ²⁶ Статья в журн. «Историк-марксист» № 10. М. 1928, 124—125.
- ²⁷ «Идеологии Востока» (Очерки восточной теократии). ГИЗ, 1927, 133.
- ²⁸ Бартольд. ЗВО. Т. VIII, в. I—II, 9.
- ²⁹ История Бухары, 62—63.
- ³⁰ Нершахи, 70.
- ³¹ Бартольд. ЗВО, VIII, 20.
- ³² Проблемы Востока, 37.
- ³³ Бартольд. Теократич. идея и светск. власть в мусульм. государстве. Отчет Спб. Универс. за 1902 г., с. 8.
- ³⁴ Бартольд. ТЭМН, II, 234.
- ³⁵ Das arabische Reich und sein Sturz. В. 1902, s. 23.
- ³⁶ Бартольд. В отч. Спб. универс. 1902, с. 12.
- ³⁷ История Туркестана. Тр. ТГУ. В. 2. Ташк. 1922, с. 11.
- ³⁸ Нершахи. Ук. соч., 77.
- ³⁹ Проблемы Востока, 80.

- ⁴⁰ Бартольд. Тр. ТГУ, в. 2, с. 14.
- ⁴¹ Бартольд. ТЭМН. II. 235.
- ⁴² Diez Die Kunst d. Islam. Völker. (B), s. 71.
- ⁴³ Op. cit., s. 71.
- ⁴⁴ ЗВО, VIII, 13 прим.
- ⁴⁵ Бартольд. ТЭМН. II. 9.
- ⁴⁶ Бартольд. Там же.
- ⁴⁷ Ук. соч., 10.
- ⁴⁸ А. Т. Туманский. Новооткрытый персидский географ X ст. ЗВО. Т. X, 129.
- ⁴⁹ Туманский. Там же.
- ⁵⁰ Ср. А. Д. Калмыков. Основные вопросы Среднеазиатск. археологии. Прот. Турк. Кружки, г. 14-й. Ташк. 1910, 91--109.
- ⁵¹ К вопросу о марксистской постановке проблемы стиля. Вестн. Ком. Акад. № 25(1), с. 112.
- ⁵² Идеологии Востока. 1927, с. 164.
- ⁵³ Ук. соч., 164.
- ⁵⁴ История Бухары, с. 63 сл.
- ⁵⁵ Бартольд. ТЭМН. II. 111.
- ⁵⁶ ТЭМН. II. 122.
- ⁵⁷ Нершахи, 65.
- ⁵⁸ Кирпич в архит. сооруж. Средн. Азии до-монг. периода. «Строит. Промышленность», № 4, 1928, с. 307.
- ⁵⁹ Б. Н. Засыпкин. Пам. арх. в Средн. Азии и их реставр. Вопросы Реставрации. ЦГРМ. В. I. М. 1926, с. 138.
- ⁶⁰ Ист. культ. жизни Туркестана, 74.
- ⁶¹ См. еще Бартольд, в ИРАИМК, II, 16; Засыпкин. ВР II и Денике, ук. соч. Прим. 4.
- ⁶² Засыпкин. ВР I, 153.
- ⁶³ Die Kunst der islamischen Völker, s. 71, s. 78. К этому ошибочному делению присоединяется и E. Cohn-Wiener, статья о мазаре Султана Санджара в «Jahrbuch der asiatischen Kunst» 1925, s. 118 ff.
- ⁶⁴ Пользуюсь планом, предоставленным мне Б. Н. Засыпкиным, которому приношу большую благодарность.
- ⁶⁵ См. фото у Б. П. Денике. Иск. Средн. Азии, табл. II.
- ⁶⁶ ВКА № 25(1), с. 112.
- ⁶⁷ Иск. Средн. Азии, с. 13 и прим. 4.
- ⁶⁸ E. Herzfeld. Der Wandsch. d. Baut. v. Samarra und seine Ornamentik, 38, taf. 40, 62, 70 und and.
- ⁶⁹ Б. Засыпкин. Архит. пам. Средней Азии (Отт. из ВР II). М. 1928, с. 28 сл.; Жуковский. Разв. Стар. Мерва. МАР № 16, 122—124. Отч. Арх. Ком. за 1890 г., с. 81, рис. 33; статья E. Cohn-Wiener'a в «Jahr. d. Asiat. Kunst», 1925, s. 118 ff.
- ⁷⁰ Киргизский край, «Россия» под редакц. В. П. Семенова. Т. XVIII. СПб. 1903, 355.
- ⁷¹ Diez. op. cit, s. XIV.
- ⁷² Sarre-Herzfeld. Iranische Felsreliefs. В. 1910, s. 131. Abb. 60; Diez, op. cit, s. XV, Abb. 10 a.
- ⁷³ ВР I, 153.
- ⁷⁴ Рецензия на статью Б. Засыпкина в ВР I, в «Известиях по изуч. Таджикистана». I, 236.
- ⁷⁵ Albert von Le Coq. Auf Hellas Spuren in Ostturkistan (Lpz. 1923). Taf. II.

- ⁷⁶ ВР I, 153.
- ⁷⁷ Б. Засыпкин в «Культуре Востока» МВК № II. М. 1923, с. 29—30, рис. 12—13.
- ⁷⁸ Ук. соч., 29.
- ⁷⁹ Бартольд. Ист. культ. жизни Туркестана, 53.
- ⁸⁰ Там же.
- ⁸¹ Восточно-иранский вопрос. ИРАИМК, II, 381; ср. ЗВО, XXIII, 9.
- ⁸² ПТК, XIV, 99.
- ⁸³ Ист. культ. жизни Туркестана, 54.
- ⁸⁴ Задачи изучения искусства Афганистана. Сборн. Афганистан. ВНАВ-М. 1921, 122—123.
- ⁸⁵ E. Diez. Churasanische Baudenkmäler. В. 1918, s. 72 ff, Abb. 32, Taf. 31—34.
- ⁸⁶ М. Е. Массон. Ригистан и его медресе. Ташк. 1926, с. 7.
- ⁸⁷ Засыпкин. ВР I, 171.
- ⁸⁸ I. Fergusson. History of Indian and Eastern Archit. (L. 1910), p. 189, fig. 107, план грота n° 16 в Аджанте; p. 198 fig. 113 план пещерной вихары в Баре; E. B. Havell. A study of Indo-aryan civilisation. (С. 1915), p. 123, fig. 46, Martand; I. Marschall. «A Guide to Taxila (Calcutta, 1921). Pl. XXV jaulian; E. Diez. Die Kunst Indiens, НКВ, s. 72 und and.
- ⁸⁹ С. Ольденбург. Русск. Турк. экспед. 1914, с. 41, рис. 41, табл. XXXIV.
- ⁹⁰ Засыпкин. Культура Востока. Сборн. МВК II, рис. 9—10; «Культ. Вост.», I, табл. 5.
- ⁹¹ «Ghazni» в Extrait de la revue «Syria». 1925, p. 58, Pl. VI, 2.
- ⁹² Данный очерк является частью дипломной работы автора.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

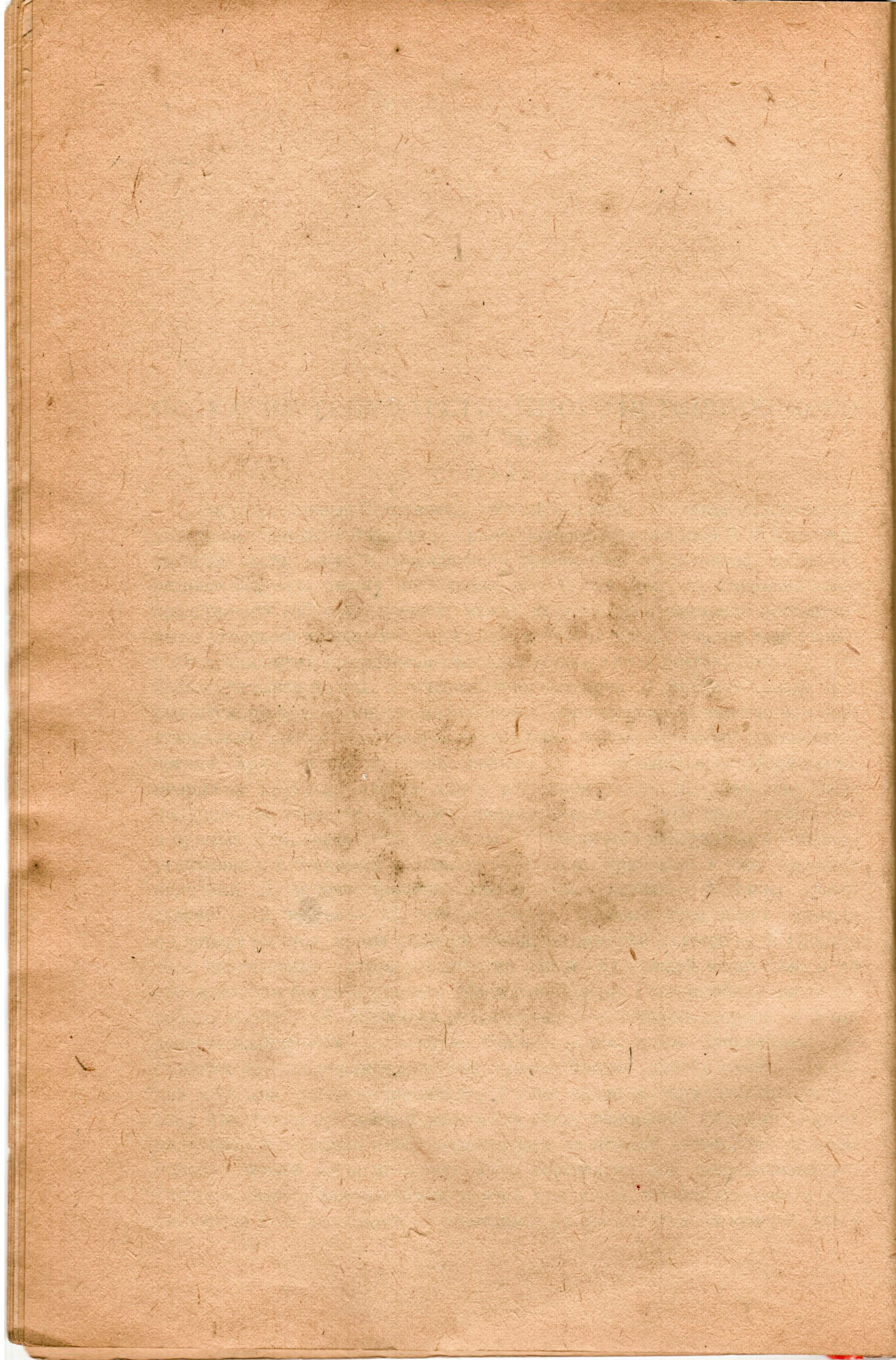
Таблицы XIV и XV.

1. Бухара. Мавзолей Саманидов. Общий вид. (Фото Д. Н. Пожарищенского)
2. То же здание. Деталь внутри. (Фото Д. Н. Пожарищенского)

Рисунок в тексте.

Мавзолей Махмуда в Бишануре. Рисунок исполнен по Otto Höver, Indische Kunst, taf S. 128.

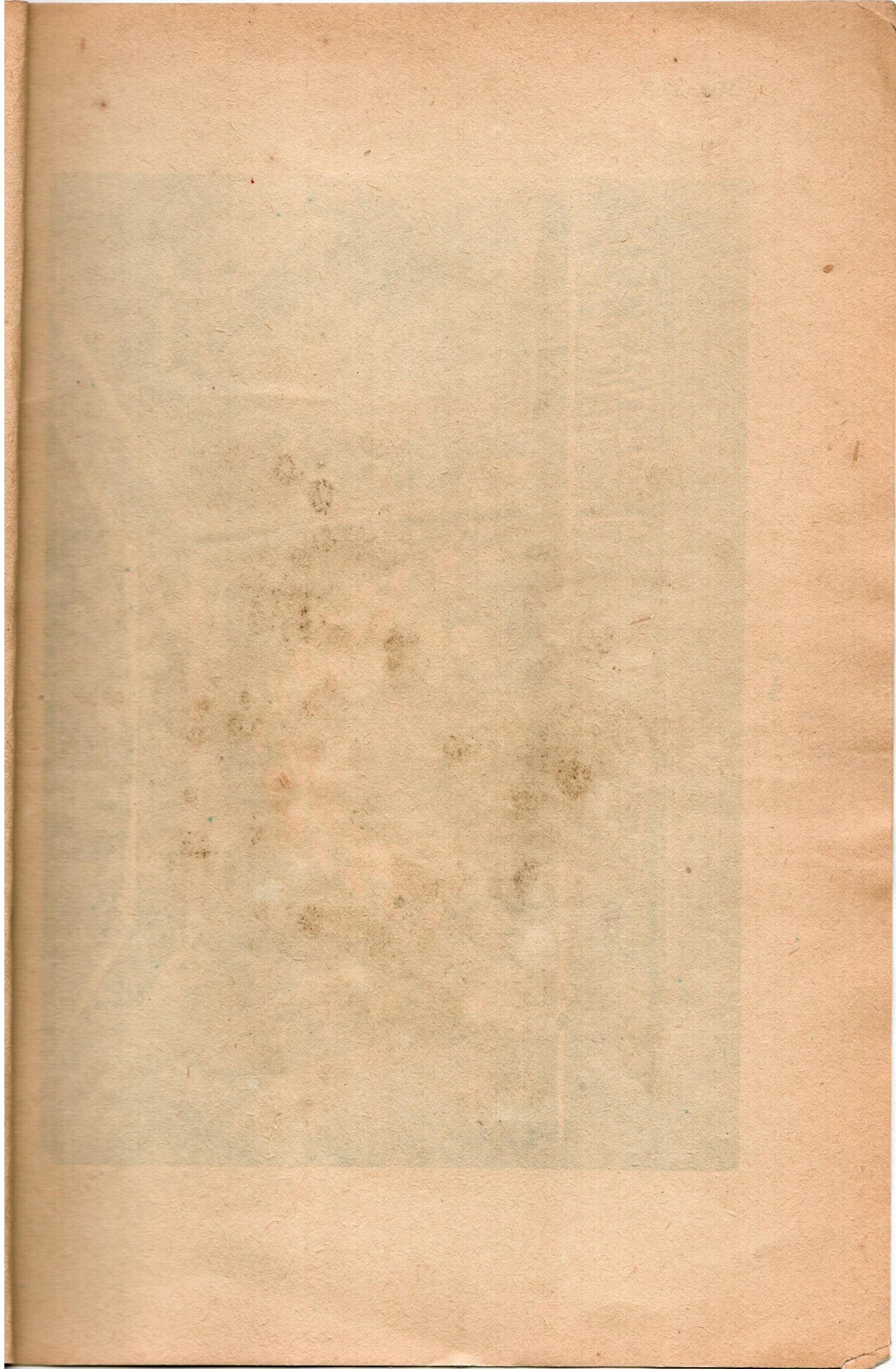

Рис. 1.

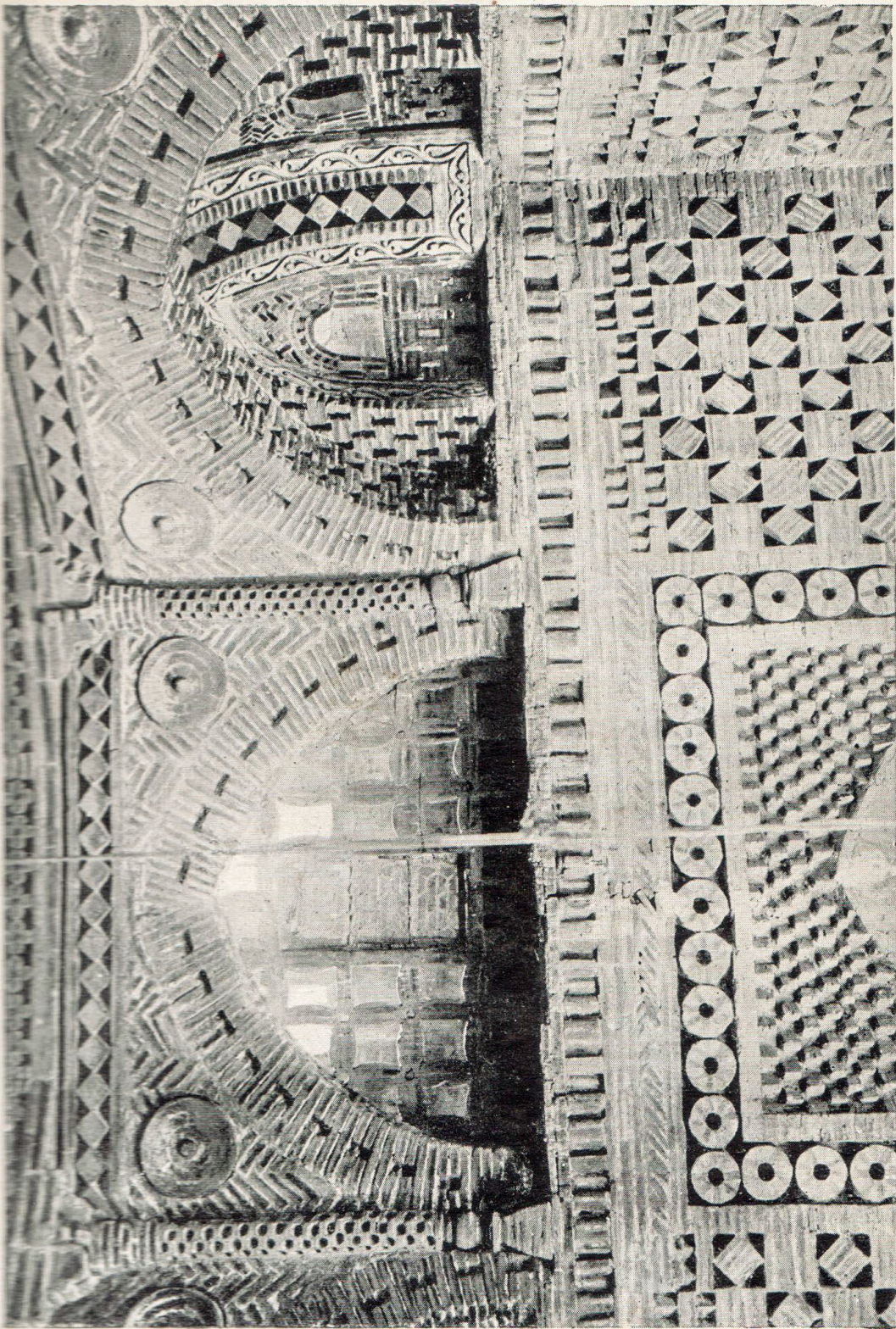

Рис. 2.

Государственный
музей искусства
народов Востока
№ 35282

7/17 84

by [signature]

17

17

ften